

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-85-98

ГЕЛЬДИБАЕВ Мовлад Хасиевич,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАЕН, заслуженный профессор ГУАП,
профессор кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: geldibaev@mail.ru

ГУБАРЬ Дмитрий Станиславович,
ведущий юрисконсульт ФБУ «Научный центр
правовой информации при Минюсте России»,
г. Москва, Россия,
e-mail: dgubar@rambler.ru

ЛИНЕВ Антон Николаевич,
кандидат юридических наук,
руководитель экспертно-правового центра «Априори»,
г. Балашиха, Московская область, Россия,
e-mail: anton-linev@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

АННОТАЦИЯ. *Цель работы:* проведение комплексного сравнительно-правового анализа механизмов обеспечения АТЗ объектов и территорий в Российской Федерации и зарубежных государствах, а также выявление тенденций развития уголовно-правового регулирования в данной сфере на примере новейшего законодательства Великобритании.

Результат: в статье раскрыта эволюция подходов к противодействию терроризму от преимущественно реактивной модели к превентивной, основанной на предупреждении угроз. Проанализированы особенности международного и национального правового регулирования. Установлено, что российская модель характеризуется наличием специальных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение требований АТЗ, однако такая ответственность связана с наступлением общественно опасных последствий. Особое внимание уделено уникальному опыту Великобритании, где с принятием Terrorism (Protection of Premises) Act 2025 сформирована новая модель правового регулирования, основанная на возложении обязанностей по обеспечению безопасности на владельцев объектов.

Практическая ценность: результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании российского уголовного законодательства, в частности при разработке норм, направленных на усиление превентивного потенциала требований АТЗ, а также криминализацию неисполнения обязательных предписаний уполномоченных органов. Выводы работы представляют интерес для правотворческой деятельности, правоприменительной практики, а также для научных исследований в области уголовного права и обеспечения общественной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм, противодействие терроризму, профилактика терроризма, антитеррористическая защищенность (далее – «АТЗ»), уголовная ответственность, Terrorism (Protection of Premises) Act 2025, Martyn's Law, зарубежный опыт.

GELDIBAEV Movlad Khasievich,
Doctor of Law, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Distinguished Professor of the State University of Aviation Instrument Making,
Professor of the Criminal Law Department

GUBAR Dmitry Stanislavovich,
Leading Legal Advisor, Scientific Center
of Legal Information under the
Ministry of Justice of the Russian Federation,
Moscow, Russia

LINEV Anton Nikolaevich,
PhD in Law,
Head of the Apriori Legal Expertise Center,
Balashikha, Moscow Region, Russia

CRIMINAL LAW FRAMEWORK FOR ENSURING ANTI-TERRORIST PROTECTION IN RUSSIA AND FOREIGN STATES

ANNOTATION. *Purpose of the work:* to conduct a comprehensive comparative legal analysis of mechanisms ensuring anti-terrorist protection (ATP) of facilities and territories in the Russian Federation and in foreign states, as well as to identify trends in the development of criminal law regulation in this field, using the latest legislation of the United Kingdom as a case study.

Study findings: the article examines the evolution of approaches to counter-terrorism, shifting from a predominantly reactive model to a preventive one based on threat anticipation and mitigation. The features of international and national legal regulation are analyzed. It is established that the Russian model is characterized by the presence of specific criminal law provisions providing liability for violations of ATP requirements; however, such liability is generally linked to the occurrence of socially dangerous consequences. Particular attention is paid to the experience of the United Kingdom, where the adoption of the Terrorism (Protection of Premises) Act 2025 has established a new regulatory model based on the imposition of security obligations on premises owners and operators.

Practical importance: the findings of the study may be used to improve Russian criminal legislation, particularly in developing provisions aimed at strengthening the preventive potential of ATP requirements, as well as in criminalizing non-compliance with mandatory orders issued by authorized bodies. The conclusions are relevant for legislative development, law enforcement practice, and academic research in the field of criminal law and public safety.

KEY WORDS: terrorism, counter-terrorism, prevention of terrorism, anti-terrorist protection of facilities and territories, criminal liability, Terrorism (Protection of Premises) Act 2025, Martyn's Law, foreign experience.

Введение

Терроризм представляет собой сложное и многогранное социально-политическое явление, обладающее значительным историческим масштабом и глубокими корнями. Во все исторические периоды террор использовался в качестве инструмента запугивания общества, устранения отдельных политических деятелей и воздействия на органы власти с целью принуждения их к принятию определенных решений, нередко противоречащих интересам государства и общества. Изменялись лишь терминология, формы проявления и общественно-политическая оценка терроризма.

Так, уже в I веке н.э. насилие и запугивание применялись иудейской радикальной группировкой сикариев (от лат. *sicarii* — «кинжальщики»), использовавшей политические убийства как средство достижения религиозно-политических целей. В последующие столетия аналогичные методы получили распространение у представителей мусульманской секты ассасинов (от араб. *hashshāshīn* — «потребители гашиша»), а также в деятельности отдельных тайных обществ средне-

вековой Индии и Китая.

Существенное изменение смыслового содержания понятия «террор» произошло в период Великой французской революции, когда данный термин стал использоваться для обозначения особой системы политического управления и впервые получил официальное признание и идеологическое оправдание в качестве средства удержания и завоевания государственной власти [1].

Насильственные посягательства на представителей государственной власти были известны и в истории России. Одним из наиболее показательных примеров является убийство российского императора Александра II в 1881 году, организованное представителями революционного движения.

Причинами терроризма чаще всего являются экономическая нестабильность, имущественное неравенство, способствующие росту социальной напряженности, особенно среди представителей социально уязвимых групп населения. Низкий уровень жизни и отсутствие устойчивых перспектив нередко формируют благоприятную среду для распространения радикальных настроений. В

подобных условиях террористические структуры используют идейные и материальные стимулы как инструмент вербовки.

Существенное значение для формирования идей терроризма имеет уровень образования населения: недостаточная доступность качественного образования снижает способность критически воспринимать поступающую информацию и повышает восприимчивость отдельных лиц к идеологическим манипуляциям и экстремистской пропаганде.

Сегодня террористическая деятельность охватывает не только насилие против людей, но и нанесение имущественного ущерба, а также дестабилизацию государственных и частных объектов. Подобные действия, как и раньше, направлены на принуждение государства, общества или отдельных социальных групп к принятию определенных политических, идеологических либо социальных решений, отвечающих интересам террористических структур.

В целях противодействия возникающим угрозам государства формируют и реализуют комплексные антитеррористические стратегии, направленные на повышение уровня общественной безопасности и предупреждение террористических посягательств, принимают нормативные акты, предусматривающие уголовно-правовые запреты и позволяющие квалифицировать общественно опасные деяния в качестве террористических преступлений.

Мировое регулирование антитеррористической политики

Исторически развитие системы противодействия терроризму характеризовалось преобладанием силовых методов реагирования на уже совершенные террористические посягательства. Основные усилия государств в первую очередь концентрировались на пресечении конкретных террористических актов и ликвидации последствий их совершения, тогда как меры предупреждения и устранения причин, способствующих возникновению террористической угрозы, занимали менее значимое место в системе государственной политики [2].

Сегодня для большинства стран борьба с террористической деятельностью выступает приоритетным направлением государственной политики, что обусловлено высокой степенью общественной опасности данного явления и его разрушительным воздействием на государственную систему управления.

Несмотря на наличие схожих элементов уголовно-правового регулирования, а также профилактических организационно-правовых механизмов, каждое государство формирует собственную модель противодействия терроризму с учетом исторических, политических, правовых и социальных особенностей своего развития. В результате появляются различные подходы к определению

признаков террористической деятельности, объему уголовно-правовой ответственности и системе профилактических мер [3; 4].

В странах Скандинавии – Дании, Швеции и Норвегии сформирована комплексная система противодействия терроризму, сочетающая уголовно-правовые меры, расширенные полномочия правоохранительных органов и профилактическую политику, направленную на предупреждение радикализации. Законодательство этих государств предусматривает строгую ответственность за террористическую деятельность, включая наказание не только за совершение террористических актов, но и за связанные с ними действия: финансирование терроризма, участие в террористических организациях, вербовку, подготовку и содействие террористической деятельности. Особое внимание уделяется превентивным механизмам обеспечения безопасности. К таким мерам относятся развитие системы образования, усиленный контроль в сфере миграции, возможность депортации иностранных граждан при угрозе национальной безопасности, расширение полномочий правоохранительных органов в области сбора и анализа информации, правовое регулирование противодействия финансированию терроризма и отмыванию денежных средств, формирование устойчивой общественной среды, свободной от экстремистских идей [5].

Антитеррористическая политика США регулируется специальной системой нормативных актов, включенной в Свод законов, и основана на межведомственном взаимодействии государственных органов, реализации программ по предупреждению террористической деятельности, повышению общественной безопасности и минимизации последствий террористических актов. Законодательство определяет терроризм как незаконное применение силы или насилия против людей или имущества с целью запугивания населения или оказания давления на государственные органы для достижения политических или социальных целей. К террористическим актам относятся взрывы, вооруженные нападения, поджоги, убийства, захват транспортных средств и заложников, а также нападения на дипломатические представительства. Правовое регулирование предусматривает ответственность не только за совершение террористических актов, но и за финансирование терроризма, содействие террористическим организациям и иные формы поддержки. Законодательство также устанавливает ограничения на выдачу виз иностранцам, подозреваемым в причастности к терроризму, и запрет на финансовые операции с государствами и организациями, признанными террористическими [6; 7].

Во Франции основой антитеррористического регулирования является Уголовный кодекс, содержащий отдельный раздел, посвященный терроризму. К террористическим деяниям относятся посягательства на жизнь и безопасность чело-

века, похищения, захват объектов и транспортных средств, уничтожение имущества, а также действия в сфере информационных технологий, совершенные с целью запугивания населения и нарушения общественного порядка. Особенностью французского подхода является то, что террористическими признаются не только конкретные преступления, но и действия, методы и цели которых создают массовую угрозу обществу, что влечет более строгие наказания по сравнению с обычными уголовными составами. Закон также относит к соучастию помощь террористам, включая предоставление убежища, жилья, денежных средств и иной поддержки. Кроме того, законодательство предусматривает ответственность юридических лиц, которые могут использоваться для прикрытия террористической деятельности: могут применяться штрафы, запреты на деятельность, ограничения финансовых операций и даже меры по ликвидации организации. Отдельное внимание уделяется и новым видам угроз, включая экологический терроризм, связанный с умышленным загрязнением окружающей среды [6; 7].

В Индии противодействие терроризму регулируется специальным законодательством, определяющим террористический акт как противоправные действия, направленные на запугивание населения, разжигание национальной, религиозной или политической розни, оказание давления на государственные органы и причинение массового вреда. За совершение таких деяний установлены строгие меры ответственности, включая пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Аналогичные санкции предусмотрены и для лиц, оказывающих содействие террористам, включая укрывательство, организацию и пропаганду терроризма. Предусматривается возможность привлечения к расследованию террористических преступлений местных органов власти и специализированных служб. Значительное внимание уделяется профилактическим мерам, включая информирование населения и обучение правилам поведения при террористических угрозах. Особенностью индийского законодательства является наличие разъясняющих примечаний и иллюстраций, способствующих более точному применению правовых норм на практике [8].

Система противодействия терроризму в Германии основана на уголовно-правовом регулировании деятельности террористических объединений, под которыми понимается устойчивая группа лиц, созданная для совершения тяжких преступлений с целью запугивания населения или достижения политических и идеологических целей, а также ответственности за содействие таким объединениям. Соответствующие нормы содержатся в Уголовном кодексе, а также иных федеральных актах. К террористическим преступлениям относятся насильственные действия против личности, захват заложников и разрушение имущества. Закон устанавливает ответственность за участие в

зарубежных террористических организациях и за финансирование терроризма, включая сбор и передачу денежных средств [9].

Антитеррористическая политика Китая включает международные обязательства, национальное законодательство и региональные нормативные акты. Уголовное право предусматривает ответственность за участие в террористических организациях, финансирование, пропаганду и другие формы содействия терроризму. Государством созданы специализированные координационные органы, обеспечивающие взаимодействие силовых структур и государственных институтов. Особое место в китайской стратегии занимает профилактика радикализации. Власти связывают распространение терроризма не только с религиозными факторами, но и с социально-экономическими проблемами отдельных регионов. В этой связи реализуются программы образования, профессиональной подготовки и социальной интеграции населения, направленные на снижение влияния экстремистских идей. Важным элементом системы является контроль информационного пространства и активное вовлечение общества в борьбу с терроризмом: государство использует механизмы мониторинга интернета, ограничение распространения экстремистского контента, общественный контроль [10; 11].

В государствах бывших союзных республик - Республике Таджикистан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике сформирована сходная система правового регулирования противодействия терроризму и экстремизму. Это во многом обусловлено общими историко-правовыми предпосылками, унаследованными от советской правовой системы. Законами данных стран формируется на основании принятых международных и национальных стратегий общественной безопасности, предусматривает уголовную ответственность за террористическую деятельность, ее финансирование, распространение экстремистских материалов, за несообщение о готовящихся террористических актах, прохождение подготовки с целью осуществления террористической деятельности и иные формы содействия террористическим организациям. Важное значение придается не только уголовно-правовым мерам, но и профилактике радикализации, развитию межгосударственного сотрудничества и взаимодействию с международными организациями. Особое внимание уделяется повышению роли образования, религиозных организаций и институтов гражданского общества, а также укреплению социально-экономической защищенности населения [12; 13; 14].

Современные исследователи в научных публикациях приходят к выводу о том, что реализуемые государствами меры в целом являются эффективными инструментами противодействия терроризму [15; 16; 17].

Так, в научной литературе подчеркивается

необходимость комплексного подхода, включающего политические, социально-экономические, правовые и идеологические меры, при этом отмечается, что исключительно силовые методы не обеспечивают устойчивого результата, поскольку направлены главным образом на устранение последствий терроризма, нежели его предотвращение.

В связи с этим важное значение придается превентивным мерам: блокированию источников финансирования террористических организаций, контролю за оборотом оружия и опасных веществ, идеологическому противодействию, деятельности специализированных силовых подразделений, а также развитию международного сотрудничества.

Меры противодействия террористическим угрозам в России

Первые нормативные акты российской империи, направленные на борьбу с революционным террором и охрану государственной и общественной безопасности, появились в конце XIX века. Одним из таких документов стало Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, утвержденное императором Александром III в 1881 году после убийства его предшественника. Данный акт предусматривал введение усиленной или чрезвычайной охраны в местностях, где общественное спокойствие нарушалось преступными действиями против государственного строя, общественной безопасности или собственности. Высшие должностные лица – генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники наделялись исключительными полномочиями, включая уголовно-процессуальные и административные меры: заключение подозреваемых в тюрьму, направление дел на рассмотрение военных судов, приостановку деятельности печатных изданий и учебных заведений. Предусматривались обязанности собственников и управляющих недвижимостью по организации внутреннего наблюдения за общественной безопасностью на принадлежащей территории и назначению ответственных лиц. За нарушение этих обязанностей могли применяться денежные штрафы или арест.

В советский период, когда ключевые средства производства и инфраструктура находились в государственной (социалистической) собственности и охранялись государством, в условиях низкой террористической активности и подавления политической оппозиции потребность в развитии частноправовых механизмов антитеррористической защищенности фактически отсутствовала.

Современный этап российского государства охарактеризован переходом к рыночной экономике, свободой предпринимательства и перемещения товаров и услуг, что создало условия для развития частной охранной деятельности для обеспечения безопасности объектов и террито-

рий [1].

Сегодня антитеррористическая политика Российской Федерации выступает ключевым элементом государственной стратегии в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства, при этом наблюдается постепенное смещение акцентов от реагирования на уже совершенные преступления к их предупреждению и профилактике. Основные положения этой политики нашли свое отражение в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [21].

Концепция определяет терроризм как одну из ключевых угроз национальной безопасности, обусловленную как внутренними социально-экономическими и политическими противоречиями, так и внешними факторами, связанными с деятельностью международных террористических организаций. Среди ключевых направлений предусмотрены предупреждение, пресечение террористической деятельности и минимизация последствий, при этом особое значение приобретают организационно-технические меры, ориентированные на оснащение критически важных объектов инфраструктуры, объектов жизнеобеспечения и мест массового пребывания людей современными средствами защиты, а также развитие механизмов ответственности в этой сфере.

Нормативной основой системы противодействия терроризму в Российской Федерации является Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [22], а также Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [23].

В качестве координационного органа создан Национальный антитеррористический комитет (далее – «НАК»), объединяющий высших должностных лиц государства и руководителей ключевых ведомств. К его основным полномочиям относятся мониторинг террористических угроз, координация деятельности органов власти и специализированных структур, а также контроль исполнения принимаемых решений, которые являются обязательными для государственных органов, организаций и должностных лиц [24; 25]. В субъектах Российской Федерации действуют региональные антитеррористические комиссии, возглавляемые руководителями исполнительной власти и включающие представителей территориальных органов ФСБ России, МВД России и МЧС России, которые обеспечивают координацию мер по профилактике терроризма и антитеррористической защищенности объектов и мест массового пребывания людей [26].

Правительством Российской Федерации утверждены обязательные требования по обеспечению безопасности и АТЗ критической инфраструктуры, транспортной системы, топливно-энергетического комплекса и места массового пребывания людей, которые устанавливают по-

рядок категорирования объектов и территорий, определяют комплекс организационных, режимных и технических мер, а также предусматривают оснащение объектов и территорий средствами инженерно-технической защиты, системами контроля доступа, видеонаблюдения и другими средствами обеспечения безопасности [27].

Нарушение данных требований грозит административной и уголовной ответственностью.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях представлен статьями 11.15.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», 20.30 «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса», 20.35 «Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) и объектов (территорий) религиозных организаций». Наказание дифференцируется, начиная от административного штрафа, и заканчивая приостановлением деятельности юридического лица [28].

В свою очередь Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрены специальные составы преступлений: статья 217.1 «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса», статья 217.3 «Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий)», статья 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности». Уголовная ответственность наступает, если нарушение требований повлекло тяжкий вред здоровью, крупный ущерб или гибель людей. Наказание дифференцируется в зависимости от последствий и тяжести деяния и может варьироваться, начиная от назначения штрафа, и заканчивая лишением свободы на срок до восьми лет [29].

Таким образом, российское законодательство характеризуется тем, что содержит специальные требования к антитеррористической защищенности объектов и устанавливает не только административную, но и уголовную ответственность за их нарушение. При этом такая модель во многом обусловлена историческими предпосылками формирования дореволюционной системы обеспечения государственной безопасности.

Нормативное закрепление соответствующих требований в совокупности с введением ответственности за их нарушение обеспечивает антитеррористическую защищенность объектов и территорий, снижает риски террористических посягательств и создает правовые условия для своевременного выявления угроз.

Это подтверждено и рядом научных исследований, которые рассматривают антитеррористическую защищенность как одно из ключевых направлений комплексной концепции противодействия терроризму [2; 18].

Вместе с тем уголовно-правовые меры в

данной сфере должны соответствовать современному уровню развития международного антитеррористического регулирования, учитывая актуальные подходы к определению состава правонарушений, круга обязанных лиц и механизмов ответственности, применяемые в зарубежных правовых системах. Отсюда и возникает вопрос о наличии аналогичных правовых механизмов в законодательстве других зарубежных государств.

Уникальный опыт Великобритании

Антитеррористическая политика Великобритании строится на комплексной стратегии CONTEST, ключевым элементом которой является модель «4P»: предотвращение (Prevent), преследование (Pursue), защита (Protect) и подготовка (Prepare). Каждое из направлений имеет собственное функциональное назначение.

Компонент предотвращения ориентирован на выявление факторов радикализации, работу с уязвимыми социальными группами и противодействие распространению экстремистской идеологии, в том числе в интернет-пространстве. Преследование направлено на выявление, расследование и пресечение террористической деятельности, включая совершенствование законодательства, развитие возможностей спецслужб и международное сотрудничество. Защита предполагает повышение безопасности критически важной инфраструктуры, транспортной системы и мест массового пребывания людей, а также внедрение современных технологий анализа данных и обнаружения угроз. Направление подготовки связано с обеспечением готовности государственных структур к реагированию на террористические акты, координацией действий служб экстренного реагирования и оказанием поддержки пострадавшим.

Значительную роль в реализации антитеррористической политики играют специализированные структуры, включая контртеррористическую полицию, службу безопасности MI5, а также региональные подразделения по борьбе с терроризмом. Эффективность их деятельности во многом обеспечивается развитием цифровых технологий, совершенствованием обмена информацией и межведомственным взаимодействием.

Правовая база противодействия терроризму в Великобритании представлена рядом специальных законов, среди которых ключевое значение имеют Акт о терроризме, Акт о борьбе с терроризмом, преступности и безопасности, а также Акт о мерах по предупреждению и расследованию терроризма. Эти нормативные акты устанавливают уголовную ответственность за террористическую деятельность и ее финансирование, предусматривают расширенные полномочия правоохранительных органов, включая финансовый контроль, ограничения передвижения и усиленный административный надзор за лицами, подозреваемыми в причастности к терроризму [19; 20].

Законодательной новеллой является закон Terrorism (Protection of Premises) Act 2025, получивший неофициальное название Martyn's Law в честь Мартина Хетта, погибшего при террористическом акте 22 мая 2017 года во время концерта в Manchester Arena в городе Манчестер. Закон вводит так называемые «защитные требования» в отношении объектов и территорий, которые используются для общественных мероприятий, где возможно одновременное присутствие значительного числа людей, и предусматривает систему обязанностей и ответственности для лиц, обеспечивающих безопасность.

Следует отметить, что в отношении отдельных категорий объектов, включая парламентские учреждения, органы государственной власти, отдельные объекты транспортной инфраструктуры, а также здания и территории образовательного, детского и религиозного назначения, соответствующее регулирование осуществляется специальными нормативными актами (правительственными стандартами безопасности, руководствами в соответствующей сфере) [30; 31; 32; 33; 34].

По всем остальным объектам система требований Martyn's Law строится по двухуровневой модели. К стандартным относятся объекты, где одновременно могут находиться от двухсот до семисот девяноста девяти человек. Объекты повышенного уровня – это площадки, рассчитанные на восемьсот и более посетителей, где проводятся открытые публичные события, такие как концерты или фестивали.

Для стандартных помещений достаточно внедрения базовых процедур защиты, включая планы эвакуации, системы оповещения и координации действий персонала. Для объектов повышенного уровня требования значительно шире и включают дополнительные меры безопасности, такие как физические барьеры, системы видеонаблюдения, контроль доступа и иные защитные механизмы.

Ответственным лицом признается субъект, осуществляющий фактический контроль над объектом или мероприятием, например, руководитель торгового центра или организатор массового события. Если владельцем или оператором является организация, она обязана назначить должностное лицо, ответственное за выполнение требований закона.

Контроль за исполнением требований закона возложен на Security Industry Authority (далее – «SIA»), которая получила статус специализированного регулятора в сфере АТЗ. SIA наделена полномочиями по проведению проверок, выдаче обязательных предписаний, ограничению использования объекта при наличии угроз безопасности, применению финансовых санкций через уполномоченных инспекторов, имеющих доступ к объектам и документам [35; 36].

Закон предусматривает систему административных и уголовных санкций за нарушение установленных требований. Размер штрафов зависит

от категории объекта и количества посетителей. Для объектов с вместимостью от 200 до 799 человек предусмотрены штрафы до 10 000 фунтов стерлингов, тогда как для крупных объектов, рассчитанных на 800 и более посетителей, санкции могут достигать 18 миллионов фунтов стерлингов либо 5 % мирового годового оборота компании. В случае невыполнения предписаний регулятора могут также назначаться ежедневные штрафы, а при серьезных нарушениях возможно временное закрытие объекта или запрет на проведение мероприятий.

Закон устанавливает ряд уголовно наказуемых деяний, связанных с нарушением требований регулятора – SIA.

Одним из основных составов является неисполнение предписания о соблюдении требований безопасности. Например, владелец торгового центра или организатор фестиваля, получивший предписание устранить недостатки системы безопасности, может быть привлечен к уголовной ответственности, если не предпримет требуемых действий в установленный срок. Особенностью данного состава является принцип строгой ответственности: для привлечения к уголовной ответственности не требуется доказывать наличие умысла, достаточно установить сам факт неисполнения предписания в установленный срок. За такое нарушение предусмотрено наказание вплоть до двух лет лишения свободы.

Отдельным преступлением признается предоставление регулятору ложной или вводящей в заблуждение информации. Речь может идти о сведениях, передаваемых в уведомлениях, документации по безопасности, ответах на информационные запросы либо иных формах взаимодействия с регулятором. В отличие от предыдущего состава, здесь требуется наличие субъективной стороны: лицо должно либо знать о ложности представляемых сведений, либо действовать безразлично к их достоверности. Максимальная санкция аналогична — до двух лет лишения свободы.

Закон также устанавливает ответственность за воспрепятствование деятельности инспектора SIA. К таким действиям относятся, например, блокирование доступа инспектора к объекту, отказ предоставить запрашиваемые документы или иные умышленные действия, препятствующие реализации его полномочий. За подобное нарушение предусмотрены штраф и (или) лишение свободы на срок до шести месяцев.

Требования закона вводятся поэтапно: сначала применяются нормы, связанные с SIA, а основные положения начнут действовать после переходного периода, ориентировочно к весне 2027 года.

Закон Terrorism (Protection of Premises) Act 2025 является одним из первых специализированных актов, прямо закрепляющих юридическую обязанность владельцев объектов по предотвра-

щению террористических атак, основывается на риск-ориентированном подходе и принципе общей обязанности обеспечения безопасности, в рамках которых владельцы объектов самостоятельно оценивают уровень террористической угрозы и принимают разумные меры защиты, формируя тем самым превентивную модель безопасности [37; 38; 39; 40; 41].

Заключение

Законодательство зарубежных государств предусматривает ответственность не только за непосредственное совершение террористических актов, но и за различные формы содействия террористической деятельности. Существенное внимание уделяется противодействию финансированию терроризма и пресечению подготовки террористических актов. Вместе с тем за отсутствие или недостаточность антитеррористических мер со стороны владельцев или операторов объектов уголовная ответственность, как правило, не установлена, даже при наличии формализованных требований к антитеррористической защищенности их нарушение влечет главным образом лишь административные санкции.

Во Франции меры антитеррористической безопасности в общественных местах реализуются в рамках национального плана Vigipirate, который предусматривает усиленный контроль на объектах массового пребывания людей, транспортных узлах и крупных мероприятиях, а также координацию действий государственных органов и частных организаций. При повышенном уровне угрозы вводится режим максимальной готовности, предусматривающий дополнительные меры безопасности. Организация массовых мероприятий регулируется специальными нормами, обязывающими организаторов заранее декларировать проведение мероприятий и указывать меры безопасности [42].

В Германии значительное внимание уделяется усилению мер безопасности в общественных местах, прежде всего через развитие систем видеонаблюдения. С этой целью был принят закон Video Überwachungsverbesserungsgesetz, расширивший возможности использования камер на крупных публичных площадках и объектах транспортной инфраструктуры. Закон закрепляет приоритет защиты жизни и здоровья граждан при решении вопроса о допустимости видеонаблюдения. При этом данный акт не устанавливает обязательных требований к владельцам объектов по обеспечению антитеррористической защиты и не предусматривает уголовной ответственности за их невыполнение [43].

В США обеспечение безопасности общественных мест во многом строится на стратегических документах и рекомендациях федеральных органов. Одним из ключевых является Национальный план защиты инфраструктуры, который содержит рекомендации по защите критической инфра-

структуры, общественных пространств и массовых мероприятий, однако носит рекомендательный характер и ориентирован на сотрудничество государства и частного сектора. Обязательные требования для владельцев объектов отсутствуют, уголовная ответственность за игнорирование предложенных мер безопасности не применяется [44].

В Индии основным законодательством в сфере противодействия терроризму является закон о предупреждении противоправной деятельности и соответствующие разделы Уголовного кодекса, которые предусматривают широкий спектр террористических преступлений с наказаниями до пожизненного заключения, однако не накладывают на владельцев общественных мест обязанностей по обеспечению их безопасности. Дополнительно действуют меры для биометрического контроля на границе и мониторинга потенциальных угроз, но нет нормативного требования к строгой защите зданий или массовых мероприятий [45; 46].

В Китае ключевым нормативным актом является Закон о борьбе с терроризмом, который устанавливает обязательные меры безопасности для ключевых объектов и массовых мероприятий, охватывая транспорт, правительственные здания и места массового скопления людей. Обязанности владельцев и организаторов включают: проведение досмотров людей и вещей, организацию превентивных мер безопасности, проверку сотрудников, установку охранного оборудования (металлоискатели, видеонаблюдение) и предоставление информации контролирующим органам. Нарушение этих требований не влечет уголовной ответственности, но подпадает под административные санкции. Примеры наказаний: предупреждение и штраф до ста тысяч юаней для организации, до десяти тысяч юаней для ответственных лиц; административный арест до 15 дней. Ответственность распространяется на организации и назначенных должностных лиц. Контроль за исполнением возложен на полицию, которая проводит плановые и внеплановые проверки [47].

Россия долгое время оставалась первооткрывателем в вопросах применения уголовной ответственности за нарушение требований антитеррористической защищенности, уходя корнями в дореволюционную историю, когда формировались нормы, закреплявшие ответственность должностных лиц за надлежащую охрану государственной и общественной безопасности, что позднее нашло отражение в статьях современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Теперь же на мировой арене Закон Martyn's Law расширяет арсенал борьбы с терроризмом, возлагая обязанности по АТЗ на владельцев объектов с массовым пребыванием людей и вводя уголовные санкции за их невыполнение.

В последние годы в ряде государств началось обсуждение внедрения правовых механизмов,

аналогичных модели, закрепленной в Великобритании в законе Terrorism (Protection of Premises) Act 2025. Так, в США меры защиты общественных пространств реализуются в рамках программ по обеспечению безопасности мест массового пребывания людей. В Австралии действует национальная стратегия защиты таких объектов, ориентированная на взаимодействие государства и владельцев объектов при предотвращении террористических угроз. В Канаде аналогичные вопросы рассматриваются в рамках законодательства о защите критической инфраструктуры и национальной антитеррористической политики. Несмотря на отсутствие прямых законодательных аналогов, указанные инициативы свидетельствуют о формировании международной тенденции к возложению на владельцев и операторов публичных объектов дополнительных обязанностей по обеспечению антитеррористической безопасности [48].

Пока же можно констатировать, что Martyn's Law, наряду с уголовно-правовыми нормами Российской Федерации, остается уникальным законодательством с точки зрения уголовной ответственности за нарушения мер противодействия терроризму. Введение в действие ключевых положений закона откроет этап его практической реализации, позволит проанализировать применение уголовно-правовых механизмов обеспечения защищенности объектов и территорий, и в случае их эффективности – заимствовать и адаптировать отдельные элементы положительного опыта в законодательство Российской Федерации.

Очевидно, что SIA Великобритании в определенной степени сопоставима с российскими региональными антитеррористическими комиссиями, однако последние обладают существенно более ограниченным объемом полномочий, прежде всего в части применения мер принудительного воздействия. С учетом британского опыта можно предложить развитие российского уголовного законодательства через введение квалифицирующего признака, усиливающего ответственность в случаях, когда вред причинен не только из-за нарушения федеральных требований антитеррористической защищенности, но и вследствие неисполнения обязательных решений антитеррористических комиссий, обязывающих правообладателей принимать конкретные меры безопасности.

Также следует учитывать, что в правовой системе Великобритании с принятием закона Martyn's Law неисполнение установленных требований образует самостоятельное основание уголовной ответственности, тогда как в российском уголовном праве такая ответственность наступает лишь при наличии общественно опасных последствий, таких как причинение тяжкого вреда здоровью, значительного имущественного ущерба либо наступление смерти одного или несколь-

ких лиц. Отказ от избыточной привязки уголовной ответственности к дополнительным квалифицирующим признакам мог бы способствовать увеличению нормативной значимости российских требований к антитеррористической защищенности объектов и территорий.

Представленный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать принципиально значимый вывод о формировании в современном праве качественно новой парадигмы противодействия терроризму – переходе от реактивной модели к модели нормативно закрепленной превенции. Если традиционно уголовное право фиксировало ответственность за уже совершенные общественно опасные деяния и их последствия, то новейшие законодательные конструкции, ярким примером которых выступает британский закон, институционализируют обязанность предотвращения угроз как самостоятельный объект правовой охраны.

На этом фоне российская модель, обладая развитой системой нормативного регулирования антитеррористической защищенности и уникальным опытом установления уголовной ответственности за нарушение соответствующих требований, демонстрирует высокий потенциал для дальнейшего развития. Сохранение привязки уголовной ответственности преимущественно к наступлению тяжких последствий объективно снижает регулятивное значение установленных обязанностей и не в полной мере реализует их предупредительный потенциал. Расширение значения обязательных предписаний уполномоченных органов и криминализация их неисполнения способны придать российскому уголовному праву дополнительную эффективность, превратив требования антитеррористической защищенности из формально обязательных в реально обеспеченные механизмами неотвратимости уголовной ответственности.

В более широком контексте проведенное исследование позволяет констатировать зарождение глобальной тенденции к перераспределению ответственности за безопасность от государства к совокупности публичных и частных субъектов, участвующих в организации общественного пространства. Это означает, что антитеррористическая защищенность перестает быть исключительно функцией государства и приобретает характер комплексной правовой обязанности, интегрированной в экономическую и социальную деятельность.

В таких условиях эффективность национальных правовых порядков будет определяться не только строгостью санкций, но и способностью формировать проактивную культуру безопасности, в которой предупреждение угроз становится приоритетом, а уголовное право – инструментом стратегического воздействия на поведение обязанных лиц.

Список литературы:

- [1] Шаповалов Я.А. Становление и динамика антитеррористической защиты объектов: частно-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 124-130.
- [2] Корнаухова Т.В. От борьбы к профилактике терроризма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4 (24). С. 26–33.
- [3] Магомедов М.Н. Анализ опыта зарубежных стран в борьбе с международным терроризмом // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 193-197.
- [4] Канкулов А.Х., Казак И.Б. Терроризм как предмет исследования в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2023. № 8(224). С. 96-100.
- [5] Романовский Г.Б. Права человека и борьба с терроризмом: опыт Дании // Гражданин и право. 2022. № 10. С. 24-31. EDN: SGVRFF; Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в странах Скандинавии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 75–81.
- [6] Пикин И.В. Правовые основы противодействия международному терроризму: зарубежный опыт // Научный вестник Крыма. 2021. № 1 (30).
- [7] Канкулов А.Х., Казак И.Б. Терроризм как предмет исследования в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2023. № 8(224). С. 96-100.
- [8] Курсаев А.В. Новый Уголовный кодекс Индии 2023 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 73–77.
- [9] Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Терроризм как угроза национальной безопасности федеративной республики германия // Пробелы в российском законодательстве. 2019. Т. 1. № 5. С. 85-88.
- [10] Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в китайской народной республике // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 169–174.
- [11] Галицкая Н.В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая / Административное и муниципальное право. 2022. № 3.
- [12] Шамурзаев Т.Т., Анисимов В.Ф. Преступления экстремистской и террористической направленности: сравнительный анализ уголовного законодательства Киргизии и России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 146 – 153.
- [13] Гаврилкин А.В., Ибрахим М.М., Велинью Родригес В.В. Терроризм в Республике Таджикистан от истоков до современного этапа: угрозы, регулирование и сценарии развития // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 7. С. 807–821.
- [14] Новикова Т.Ю., Палиева О.Н., Фоменко И.В. Особенности официальной политики противодействия терроризму уголовно-правовыми средствами в России и Узбекистане // Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 116-125.
- [15] Чэн Жуй Линь, Каспаров А.Р. Детерминанты современного терроризма и международные стратегии борьбы с ним // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2024. № 1.
- [16] Князева О.В. Эффективность уголовной ответственности за преступления террористической направленности: (вопросы оптимизации) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 106-109.
- [17] Манукян А.Р. Некоторые аспекты противодействия экстремизму и терроризму: опыт России и зарубежных стран // Право и управление. 2023. № 10. С. 519-524.
- [18] Ахьядов Э.С.-М., Нурадиева А.А. Современный терроризм: социально-политические детерминанты и стратегии противодействия (на примере Российского контекста) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 412-415.
- [19] Чимаров С.Ю. Теоретико-правовая парадигма борьбы с терроризмом в Великобритании: в контексте стратегического смысла четырех «Р» / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 10. С. 142-146.
- [20] Моисеева А.К. Понятие терроризма в законодательстве России и Великобритании // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 17-22.
- [21] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 05.10.2009 // Российская газета, № 198, 20.10.2009.
- [22] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 28.03.2026).
- [23] Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118476/ (дата обращения: 28.03.2026).
- [24] Указ Президента Российской Федерации от 02.09.2012 № 1258 «Об утверждении состава Национального антитеррористического комитета по должностям и внесении изменений в Указ Прези-

дента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и в состав Федерального оперативного штаба по должностям, утвержденный этим Указом» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134673/ (дата обращения: 28.03.2026).

[25] Указ Президента Российской Федерации от 26.12.2015 № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191103/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 28.03.2026).

[26] Положение об антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации, утверждено национальным антитеррористическим комитетом 17.06.2016 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287453/ (дата обращения – 28.03.2026).

[27] Постановления Правительства Российской Федерации от 25.12.2013 № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)», от 08.10.2020 № 1639 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры автомобильного транспорта, не подлежащих категорированию», от 08.10.2020 № 1641 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов инфраструктуры внеуличного транспорта (в части метрополитенов)», от 29.11.2021 № 2090 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры воздушного транспорта, не подлежащих категорированию, и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 5 октября 2020 г. № 1603», от 23.12.2025 № 2107 «Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности» и другие, в том числе имеющие гриф ограниченного доступа.

[28] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 28.03.2026).

[29] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.03.2026).

[30] About MPs, Lords and officers. // UK Parliament. URL: <https://www.parliament.uk/mps-lords-and-offices/offices/bicameral/parliamentary-security-department> (дата обращения: 28.03.2026).

[31] Security policy framework. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/security-policy-framework/hmg-security-policy-framework> (дата обращения: 28.03.2026).

[32] 2010 to 2015 government policy: transport security. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-transport-security/2010-to-2015-government-policy-transport-security> (дата обращения: 28.03.2026).

[33] School and college security // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/school-and-college-security/school-and-college-security> (дата обращения: 28.03.2026).

[34] Counter terrorism protective security advice for places of worship. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-terrorism-protective-security-advice-for-places-of-worship> (дата обращения: 28.03.2026).

[35] The Terrorism (Protection of Premises) Act 2025. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/terrorism-protection-of-premises-act-2025-factsheets/terrorism-protection-of-premises-act-2025-the-regulator-sanctions-and-enforcement-factsheet#:~:text=The%20SIA%20must%20prepare%20guidance,Secretary%20before%20it%20is%20published> (дата обращения: 28.03.2026);

[36] Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/10/pdfs/ukpgaen_20250010_en.pdf#:~:text=Section%2036%3A%20Extent%20179%20Parts,into%20force%20on%20the%20day (дата обращения: 28.03.2026).

[37] Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government>; https://martynslaw.uk/?utm_source; https://www.shieldassociates.co.uk/services/the-protect-duty-martyns-law?utm_source (дата обращения: 28.03.2026);

[38] Organisers – Martyn’s Law and ICC Regulations. // ICC Wales. URL: <https://www.iccwales.com/organisers/reports/martyns-law> (дата обращения: 28.03.2026);

[39] Martyn’s Law // University of Essex. URL: https://www.essex.gov.uk/community-safety-essex/martyns-law-protect-duty?utm_source (дата обращения: 28.03.2026);

[40] Martyn’s Law – the main provisions in the new Terrorism (Protection of Premises) Bill 2024 // Francis Taylor Building. URL: https://www.ftbchambers.co.uk/news/article-view/martyns-law-the-main-provisions-in-the-new-terrorism-protection-of-premises-bill-2024?utm_source (дата обращения: 28.03.2026);

[41] Clifford Chance. URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/>

briefings/2025/05/martyns-law-enacted-to-require-buildings-and-events-to-mitigate-terrorism-risk.pdf?utm_source (дата обращения: 28.03.2026).

[42] Vigipirate. // Premiere Ministre. URL: <http://www.sgdsn.gouv.fr/vigipirate> (дата обращения: 28.03.2026).

[43] Ausweitung der Videoüberwachung beschlossen. // Evangelische Kirche in Deutschland. URL: <https://datenschutz.ekd.de/2017/04/10/beschluss-des-bundesrates-zum-videoueberwachungsverbesserungsgesetz/#:~:text=Das%20Gesetz%20besch%C3%A4ftigt%20sich%20inhaltlich,von%20%C2%A7%206b%20BDSG%20erreicht> (дата обращения: 28.03.2026).

[44] Martyn's Law around the world. Counter Terror Busines. // URL: <https://counterterrorbusiness.com/features/martyns-law-around-world#:~:text=Relevance%3A%20The%20U,Accessible%20Locations%20and%20crowded%20places> (дата обращения: 28.03.2026).

[45] Ministry of Home Affairs of India. URL: <https://www.mha.gov.in> (дата обращения: 28.03.2026).

[46] 'Natgrid', the search engine of digital authoritarianism. // Internet Freedom. URL: <https://internetfreedom.in/natgrid-the-search-engine-of-digital-authoritarianism> (дата обращения: 28.03.2026).

[47] Counter-terrorism Law (Initial Draft) // China Law Translate URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/ctldraft> (дата обращения: 28.03.2026).

[48] Martyn's Law around the World. // PSSA Management Council - PSSA Security. URL: https://pssasecurity.org/martyns-law-around-the-world/?utm_source (дата обращения: 28.03.2026).

References:

[1] Shapovalov Ya.A. Formation and Dynamics of Anti-Terrorist Protection of Facilities: Private Law Aspect // *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 3. pp. 124-130.

[2] Kornaukhova T.V. From Fighting to Preventing Terrorism // *News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences*. 2012. No. 4 (24). pp. 26-33.

[3] Magomedov M.N. Analysis of Foreign Countries' Experience in Combating International Terrorism // *Gaps in Russian Legislation*. 2023. Vol. 16. No. 4. pp. 193-197.

[4] Kankulov A.Kh., Kazak I.B. Terrorism as a Subject of Research in Russian and Foreign Criminal Legislation // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 8 (224). Pp. 96-100.

[5] Romanovsky G.B. Human Rights and the Fight against Terrorism: The Danish Experience // *Citizen and Law*. 2022. No. 10. Pp. 24-31. EDN: SGVRFF; Romanovsky G.B. Legal Framework for Countering Terrorism in the Scandinavian Countries // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2. Pp. 75-81.

[6] Pikin I.V. Legal Framework for Countering International Terrorism: Foreign Experience // *Scientific Bulletin of Crimea*. 2021. No. 1 (30).

[7] Kankulov A.Kh., Kazak I.B. Terrorism as a Subject of Research in Russian and Foreign Criminal Legislation // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 8(224). Pp. 96-100.

[8] Kursaeu AV New Indian Criminal Code 2023 // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 4. Pp. 73-77.

[9] Serebrennikova AV, Lebedev MV Terrorism as a Threat to National Security of the Federal Republic of Germany // *Gaps in Russian Legislation*. 2019. Vol. 1. No. 5. Pp. 85-88.

[10] Koibaev BG, Zoloeva ZT Legal Framework for Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China // *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 4. Pp. 169-174.

[11] Galitskaya N.V. Legal aspects of anti-terrorist security: the experience of modern China / *Administrative and municipal law*. 2022. No. 3.

[12] Shamurzaev T.T., Anisimov V.F. Extremist and terrorist crimes: a comparative analysis of the criminal legislation of Kyrgyzstan and Russia // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. Vol. 16. No. 1 (59). Pp. 146-153.

[13] Gavrilkina A.V., Ibrahim M.M., Velinho Rodriguez V.V. Terrorism in the Republic of Tajikistan from its origins to the present stage: threats, regulation, and development scenarios // *Post-Soviet studies*. 2024. Vol. 7. No. 7. Pp. 807-821.

[14] Novikova T.Yu., Palieva O.N., Fomenko I.V. Features of the official policy of countering terrorism by criminal law means in Russia and Uzbekistan // *Legal sciences*. 2021. Vol. 7 (73). No. 1. Pp. 116-125.

[15] Cheng Rui Lin, Kasparov A.R. Determinants of modern terrorism and international strategies to combat it // *Science. Education. Modernity / Science. Education. The present*. 2024. No. 1.

[16] Knyazeva O.V. Effectiveness of criminal liability for terrorist-related crimes: (optimization issues) // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2023. No. 5. Pp. 106-109.

[17] Manukyan A.R. Some Aspects of Countering Extremism and Terrorism: The Experience of Russia and Foreign Countries // *Law and Management*. 2023. No. 10. pp. 519-524.

[18] Akhyadov E.S.-M., Nuradieva A.A. Modern Terrorism: Socio-Political Determinants and Counteraction Strategies (Based on the Russian Context) // *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 2. pp. 412-415.

[19] Chimarov S.Yu. *Theoretical and Legal Paradigm of the Fight against Terrorism in the UK: in the Context of the Strategic Meaning of the Four «Ps» / Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2024. No. 10. pp. 142-146.

[20] Moiseeva A.K. *The Concept of Terrorism in the Legislation of Russia and the UK* // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 1 (47). P. 17-22.

[21] *The Concept of Counteracting Terrorism in the Russian Federation*, approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009 // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 198, October 20, 2009.

[22] Federal Law of March 6, 2006 No. 35-FZ «On Counteracting Terrorism» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (date accessed: March 28, 2026).

[23] Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2006 No. 116 «On Measures to Counteract Terrorism» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118476/ (accessed: 28.03.2026).

[24] Decree of the President of the Russian Federation of 02.09.2012 No. 1258 «On approval of the composition of the National Anti-Terrorism Committee by positions and amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of 15 February 2006 No. 116 «On measures to counter terrorism» and the composition of the Federal Operational Headquarters by positions, approved by this Decree» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134673/ (accessed: 28.03.2026).

[25] Decree of the President of the Russian Federation of 26.12.2015 No. 664 «On measures to improve public administration in the field of countering terrorism» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191103/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (accessed: March 28, 2026).

[26] Regulation on the anti-terrorism commission in the constituent entity of the Russian Federation, approved by the national anti-terrorism committee on June 17, 2016 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287453/ (accessed: March 28, 2026).

[27] Resolutions of the Government of the Russian Federation of 25.12.2013 No. 1244 «On the anti-terrorist protection of facilities (territories)», of 08.10.2020 No. 1639 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories), taking into account security levels for road transport infrastructure facilities that are not subject to categorization», of 08.10.2020 No. 1641 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories), taking into account security levels for various categories of off-street transport infrastructure facilities (in terms of metros)», of 29.11.2021 No. 2090 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories), taking into account security levels for facilities transport infrastructure of air transport, not subject to categorization, and the recognition of the invalidity of the Resolution of the Government of the Russian Federation of October 5, 2020 No. 1603, of December 23, 2025 No. 2107 «On approval of requirements for the functional properties of technical means of ensuring transport security and the Rules for mandatory certification of technical means of ensuring transport security» and others, including those marked with a restricted access stamp.

[28] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: March 28, 2026).

[29] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 28.03.2026).

[30] About MPs, Lords and officers. // UK Parliament. URL: <https://www.parliament.uk/mps-lords-and-offices/offices/bicameral/parliamentary-security-department> (date of access: 28.03.2026).

[31] Security policy framework. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/security-policy-framework/hmg-security-policy-framework> (date of access: 28.03.2026).

[32] 2010 to 2015 government policy: transport security. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-transport-security/2010-to-2015-government-policy-transport-security> (date of access: 28.03.2026).

[33] School and college security // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/school-and-college-security/school-and-college-security> (date of access: 28.03.2026).

[34] Counter-terrorism protective security advice for places of worship. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-terrorism-protective-security-advice-for-places-of-worship> (accessed: 28.03.2026).

[35] The Terrorism (Protection of Premises) Act 2025. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/terrorism-protection-of-premises-act-2025-factsheets/terrorism-protection-of-premises-act-2025-the-regulator-sanctions-and-enforcement-factsheet#:~:text=The%20SIA%20must%20prepare%20guidance,Secretary%20before%20it%20is%20published> (accessed: 28.03.2026);

[36] Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/10/pdfs/ukpgaen_20250010_en.pdf#:~:text=Section%2036%3A%20Extent%20179%20Parts,into%20force%20on%20the%20day

(accessed: 28 March 2026).

[37] Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government>; https://martynslaw.uk/?utm_source; https://www.shieldassociates.co.uk/services/the-protect-duty-martyns-law?utm_source (accessed: 28 March 2026);

[38] Organisers – Martyn’s Law and ICC Regulations. // ICC Wales. URL: <https://www.iccwales.com/organisers/reports/martyns-law> (date accessed: 28.03.2026);

[39] Martyn’s Law // University of Essex. URL: https://www.essex.gov.uk/community-safety-essex/martyns-law-protect-duty?utm_source (date accessed: 28.03.2026);

[40] Martyn’s Law - the main provisions in the new Terrorism (Protection of Premises) Bill 2024 // Francis Taylor Building. URL: https://www.ftbchambers.co.uk/news/article-view/martyns-law-the-main-provisions-in-the-new-terrorism-protection-of-premises-bill-2024?utm_source (accessed: 28.03.2026);

[41] Clifford Chance. URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2025/05/martyns-law-enacted-to-require-buildings-and-events-to-mitigate-terrorism-risk.pdf?utm_source (accessed: 28.03.2026).

[42] Vigipirate. // Premiere Ministre. URL: <http://www.sgdsn.gouv.fr/vigipirate> (accessed: 28.03.2026).

[43] Ausweitung der Videoüberwachung beschlossen. // Evangelische Kirche in Deutschland. URL: <https://datenschutz.ekd.de/2017/04/10/beschluss-des-bundesrates-zum-videoueberwachungsverbesserungsgesetz/#:~:text=Das%20Gesetz%20besch%C3%A4ftigt%20sich%20inhaltlich,von%20%C2%A7%206b%20BDSG%20erreicht> (date of access: 03/28/2026).

[44] Martyn’s Law around the world. Counter Terror Busines. // URL: <https://counterterrorbusiness.com/features/martyns-law-around-world#:~:text=Relevance%3A%20The%20U,Accessible%20Locations%20and%20crowded%20places> (accessed: 28.03.2026).

[45] Ministry of Home Affairs of India. URL: <https://www.mha.gov.in> (accessed: 28.03.2026).

[46] ‘Natgrid’, the search engine of digital authoritarianism. // Internet Freedom. URL: <https://internetfreedom.in/natgrid-the-search-engine-of-digital-authoritarianism> (accessed: 28.03.2026).

[47] Counter-terrorism Law (Initial Draft) // China Law Translate URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/ctldraft> (date of access: March 28, 2026).

[48] Martyn’s Law around the World. // PSSA Management Council - PSSA Security. URL: https://pssasecurity.org/martyns-law-around-the-world/?utm_source (date of access: March 28, 2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.